

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

В современной лингвистике наиболее активно изучаются такие виды дискурса, как дискурс художественного текста, политический, научный, публицистический, эпистолярный, этикетный, аргументативный дискурсы, медиадискурс и т.д. В меньшей степени рассматриваются вопросы диалектного текста и диалектного дискурса. Диалектный текст и диалектный дискурс обладают рядом отличительных черт от других видов текста и дискурса, в том числе в силу специфики сбора большинства диалектного материала, вводимого в научный оборот. Чаще всего как конечный результат перед исследователем диалектный текст предстает в виде небольших фрагментов-контекстов, достаточных для определения дефиниции слова. Такие контексты лишь в малой степени дают представление об особенностях диалектного дискурса. Более информативными и показательными оказываются полные записи собирателя, сделанные в ходе диалектологической полевой экспедиции, фиксирующие либо текст, либо тексты информанта и являющиеся источником для деления на контексты. Совокупность текстов, созданных одним человеком, может быть названа авторским дискурсом [1, с. 4].

Степень фиксации полноты текста определяется во многом задачами полевой диалектологической практики, прежде всего ориентированной на сбор материала для Псковского областного словаря с историческими данными. Однако разнотипность архивных записей делает возможным исследовать диалектный текст и диалектный дискурс довольно полно: архивные записи воспроизводят как диалог собирателя и информанта, направляемый собирателем в нужное русло, так и спонтанную диалектную речь, обращенную либо к собирателю, либо к другим лицам, в том числе и носителям диалекта. Таким образом, архивный материал представляет значительный интерес с точки зрения изучения диалектного дискурса в самых разных его проявлениях и с учетом различных факторов, определяющих характер дискурса. В ходе коммуникации при диалоговой форме общения участники дискурса обмениваются репликами, которые составляют текст. Формируясь под влиянием определенных экстралингвистических факторов, структура дискурса адаптируется к тем или иным коммуникативным задачам и ситуациям, возникающим в процессе коммуникации.

В последнее время исследование текста и дискурса все чаще проводится в аспекте текст - дискурс - языковая личность - языковая картина мира. Ученые объясняют интерес к изучению языкового поведения личности с точки зрения ее принадлежности к определенному стилю мышления, установлению зависимости особенностей вербальной составляющей от стиля мышления языковой личности в связи с тем, что каждый из стилей мышления использует свои приоритетные стратегии и тактики построения дискурса и текста [2]. Совокупная языковая личность проявляется в диалектном тексте с учетом ценностного, культурологического и личностного компонентов и отражает в процессе коммуникации включение информанта в определенные социальные отношения, активную речемыслительную деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной речевой ситуацией и этноязыковой культурой. Структура дискурса выступает отражением (и выражением) особенностей языковой личности. Анализ строения дискурса позволяет выявить своеобразие речевого поведения как конкретного носителя языка, так и идиостиля группы людей. Текст и дискурс дают возможность проникнуть в индивидуальные особенности коммуникативной компетенции говорящего, в скрытые процессы его языкового сознания, дискурсивного мышления языковой личности. Языковая личность отражается в созданных ею текстах. Языковая личность и ее дискурс определяется целым рядом факторов: влияние психологического типа человека, социальной роли человека, его принадлежность к определенной национальной культуре, к тому или иному ее внутринациональному типу, соотношение узуального и индивидуального в прецедентных текстах.

Язык является важнейшим средством отражения и познания окружающей человека действительности. Понятие языковой картины мира базируется на изучении представлений человека о мире. Наряду с отражением в диалектной языковой картине мира народного опыта в ней заключается достаточно древний взгляд на мир, воплотившийся в многочисленных ценностных установках.

Оценка того или иного предмета или явления, оформившегося концептуально, в диалектном тексте может совпадать, а может быть представлена под другим углом зрения, нежели в общезыковом употреблении.

При описании концептов, репрезентирующихся посредством текста, а следовательно, в дискурсе, может учитываться целый ряд категорий. Так, содержательные категории раскрывают смысл текста. К ним в лингвистической науке относятся адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация, коммуникативная ясность [Карасик 2004]. Фактор адресата во многом является приоритетным в дискурсе и предопределяет коммуникативные цели, в достижении которых используются разные средства (вербальные и невербальные). Диалектные тексты, содержащиеся в исследуемых нами архивных записях, могут быть адресованы, во-первых, собственно к собирателю, в качестве которого выступает студент-филолог или преподаватель-филолог, воспринимающиеся информантом как представители другой, во многом противопоставленной их культуре, в том числе и языковой. В текстах подобного рода информант часто системно проводит черту между собой, своим миром, своей исконной языковой культурой и собирателем, его миром, его языковой (и в представлении информанта более правильной, нормативной, но чужой) языковой культурой:

*... Утки плавают лисавыи. На том мести ключ кипучий был, тыперь калодиц там. Пасмотрит лось и пайдёт сваим чиридом. Мальчишки раньше фсё ф поли змей застябывали. Адна баба сена убирала, да вдрух што-та шыкнула за палиц, глядит - змия. Сто гряхоф з галавы далой. Он змию как зачяртит тросткай и фсё, канец ей сразу. Глазовье в лису е. **Эта сридневные слава, а тыперь па-письменнаму как-та завёца...** (Печорский район, д. Кашино, материал собран в 1986 году, АПК-3, с. 5-9.)*

Раньшэ с ума схадили: па писят, двацать тысяч брали приданава. Выкликвали ф церквы: такая-та дефка, такой-та малец женияца. Нет ли сретства? Приежжали на лашадах, бывало па пятнацать, а то и большэ лашадей запрягали. Нявесту туды пасадят и наедит с женихом. Нявестина радня ф кашницы наедуть. Вечер адгуляють и апать дамой приедуть. Да, детушки, фсё была.

Што вы гаварите? Как гаварили разгаваривать? Так и гаварили. Хатя и ня фсе так гаварили. В иных мястоф гаварили гутарить. Кто как гаварил. Фсяк па-своему...

*Бяльё пакалотят и пашол в байню, либа катали. Аише в нас и сяйчас есьть каталка. А фсё пральникам чаще калатили. **Видафшы вы кагда-нибут пральник? Вам ни панянь ничо-ва этава. А как в байню хадили. Ни так, как сийчас. Фсёй дяревней в анну байню хадили...** (Печорский район, д. Рассолово, материал собран в 1972 г. АПК-1, с. 13-17.)*

Даже, казалось бы, с учетом некоторого принижения, умаления себя и своей языковой культуры информант противопоставляет в тексте не только прошедшее и настоящее время, не только исконную диалектную и новую литературную, "письменную" речь, но и вообще себя как носителя уходящих ценностей, реалий, языка другим по своим взглядам представителям нового времени:

Я серый чалавек, не слышала. И апать прецататель раздал фсих каровушык: бытьте вы па калхозникам, как были...

Сарай - наречье теперешнае, а раньшэ сера и груба - анбар. Сена аль салому какую, пёлы - в анбари, а зерно - ф клети. Вась, падай сяржанки, аганьку нада. Вася раз на мяня пракатицца, другой - я и выучилась.

Па-нашыму, па-стариннаму знает, как сера наварёшка? Тыперь, если где я так скажу, так прасмяють меня, што кака сера баба, наварёшка. Па-нашыму, где малотим хлеп, - рей, гувно завём, хлеп пачы у нас - кваиня. (Печорский район, д. Вербово; материал собран в 1960 г. АПК - 1, с. 5-24.)

Рефлексивность речевой деятельности информантов вызвана и осознанием различий в коммуникативных кодах собирателя и носителя диалекта, самой коммуникативной установкой - привлечением внимания к слову и речевой деятельности, некоторым побуждением собирателя к такой речевой рефлексии и в то же время активностью речевой рефлексии говорящих в естественных условиях их речевой деятельности. Подобная речевая рефлексия, имеющая место во многих исследуемых нами текстах, содержит ценную информацию о культурно-коммуникативной специфике диалектного общения. О.Ю. Крючкова справедливо отмечает, что "общение диалектоносителя с диалектологом как раз и представляет собой особую коммуникацию, при которой автоматизированный характер речи неизбежно нарушается. Результатом и одновременно показателем особых условий общения, показателем того, что коммуниканты владеют разными культурно-речевыми кодами, становятся метавысказывания поясняющего характера" [3].

Информант в зависимости от фактора адресата-собирателя диалектного материала хорошо понимает коммуникативную цель дискурса и старается сделать дискурс

- информативным и тематически разнообразным:

... А в вайну, детушки, фсё чыстенька сжок немец. Фсе дяревни вкрук гарели. Фсё дачистую. После их, зверей, анны галавешки астались. Фсё за сабой уничтожали ани. Я фтарова года ражденья, я была настоящая, взрослая. Ужы дети были. Ох, фсё, фсё згарела. Окала железной дароги многа акаопаф была.

А счас расскажу, как власть устанавливалась. Патписывали, хто за камунистаф, а кто против. А ня фси хатели патписывать, многие не хатели. А тых, кто не хател, их увазили в разные места. Я знаю, што ат нас некатарых увязли в Яраслафскую область. И яшио коекуды увазили. Так многи были увязины. Фсё, што пражыта, фсё забыта.

Сийчас я маленька расскажу пра сваю сямью. Шесть лет я атработала на лесапильнам заводе. Муш мой памёршы. Была у мяня два сына. Аннова убили, а другой жывёт в Зажыне. А убили ф Кудрова. Убил дурак ни дурак, но и вумным ни назавёи. Шаснацать ран тапаром нанёс. (Печорский район, д. Рассолово, материал собран в 1972 г. АПК-1, с. 13-17.);

- отвечающим коммуникативной цели (причем, информант не только помнит о цели дискурса, но и в соответствии с целью дает объяснение, толкование отдельных используемых им слов):

Старикоф у нас и нетути: фсе примершы. Спакойные люди матам не пустют... Здывайтеся, а пальто сюды, нясити стул, скамьи. Бытьте вы смелей. Грибоф фсяво, што ф чашке... Я прималчу, тады ани бросют писать. Забирайте скамью и там работайте, тут я бунтую, а там никаво нет. Матки не уехать. Гаварит, я уеду. Хош сама еть, а то Васька съезди. Фсё, што зашоццы, фсё прападё (из-за дождей)... Пра пагоду напишы, а пагода везде проста пагода, заливая дажжом. Времем броси, времем припусти.

Ана (Настасья Муромская) уражанка, такая шумливая, фсё расскажыт. На той жэ старане за Гусевых изба, ей лет восемдесят, точна ня знаю. Кагды каку капейку ссоре, фсё расскажэ, рубелёк там какой...

Вы не глясте на няво. Вы пишыте, вам дельна нада, а яму пусташина. Никалай узнал бы, шчо у нас девушек многа, он припарол бы...

Неухлюжый - убогай, балышаносай аль глаза раскатываюцца в анну сторону, аль в другую. Мой брат неухлюжый: у него недастатки росту, празарокай - глаза няверные... (Печорский район, д. Верёбково; материал собран в 1960 г. АПК - 1, с. 5-24.)

Если адресатом в спонтанном общении является тоже носитель диалекта, текст может представлять собой в большей степени (с учетом присутствия собирателя) свободную и естественную диалектную речь, характеризующуюся переключением кода речи:

- Аще старшы нас есьть. Крычыти, крычыти громче: мы худа слышым. У нас ф прошлам годе заставили песьни петь. Сямья была у нас балышая: атец, мать, бабушка и нас шестяра - чатыри сястры и два брата. Называли изба, шесть метраф попирик, спали на нарах. За печкай зависа завешына. Там фсем ни улечыся.

- Што ты путлаиш, што на зени спали, спали, скамью паставиш.

- Русскую видафшы печку? Вот и была печка, плита. Па-дымному ня тапили. На плиты гаршкы были, в них и варили, а то ф печку гаршок запехнуть. Тянули и качаргой, и тряпкой. А скавараду тянуть был скавародник... (Печорский район, д. Рассолово, материал собран в 1972 г. АПК - 1, с. 3-12.)

Однако сознательный выбор новых языковых средств отмечается информантом и при общении, когда адресатом текста является также носитель говоров:

Пайдём ф памещение. Пагади, свайво племянника заваплю: пуцай он рассудя. Раньшы ня так гаварили. Нас ужы прикас такой, што как нада сказать. Другой рас и кагда скажыши па-стариннаму, какая палячка, как гавари. Тая бабушка маложы тябя. Таперь наши Коля так и глядять в глаза, как сказал. Скажыши так, тык прасмяють сразу. Таперь памяцинии фсё качарга, а раньшэ клюка... Ф Степанавны сивины тягали. Вы балтайти там, а мы слухать будим. Ты аттуль привязла саху. Ия её здаганяю. Аны мяня прасмихали на каждам шагу. Муш гаварит, што ты праведнее гавариши. Я ранишы ф такой шарашки старалась малчать. (Печорский район, д. Никольщина, материал собран в 1960 г. АПК - 1, с. 10-22.)

Считается, что категория образа автора важна при характеристике как лично-, так и статусно-ориентированного дискурса. В зависимости от ситуации общения выделяют абстрагированный образ автора (в газетном, научном, телевизионном дискурсах), когда его личные характеристики и психологическое состояние не имеют коммуникативного приоритета; персонализированный образ автора (в дискурсе письма, художественном, политическом дискурсах), когда личные характеристики собеседника и его психологическое состояние значительно влияют на процесс коммуникации; отсутствие образа автора (в дискурсе чата, семейном дискурсе), когда эта категория не влияет на процесс коммуникации. В исследуемом диалектном дискурсе образ автора оказывается довольно значимым с точки зрения

- готовности/неготовности вступить в процесс коммуникации:

Пайдём ф памещение. Пагади, свайво племянника заваплю: пуцай он рассудя. Раньшы ня так гаварили. Нас ужы прикас такой, што как нада сказать... Хади за сахой: нам яну ня принести. Пасиди, паишуми. Што ты сидиши? Кака барыня! Тольки волосы сивые ласьня. Ксенья пашла, а Пашка пабегла сзади. Яна ня будя гаварить: яна дикая. Эта мы шалаболы такие... Я еле тягаюсь. Тагда даждёмся мы тваво разу (случая). Таперь вы хадите туды, к Нюшке. (Печорский район, д. Никольщина, материал собран в 1960 г. АПК - 1, с. 10-22.);

- оценки себя как автора (ср. в приведенном выше тексте *Яна ня будя гаварить: яна дикая. Эта мы шалаболы такие.*);

- репрезентации в тексте значимых для информанта концептов.

Категория информативности дискурса напрямую зависит от его коммуникативных целей, но в большей или в меньшей степени она характеризует любой акт коммуникации. В диалектном дискурсе можно наблюдать как явно выраженную категорию информативности в большинстве исследуемых текстов, обусловленную пониманием информантом коммуникативных целей, так и менее выраженную категорию информативности в случае, если архивные записи фиксируют собственно бытовой дискурс между носителями говора, для которого характерной чертой, по мнению многих лингвистов, является во многих случаях общение ради общения.

Под категорией модальности понимается отношение к действительности в представлении говорящего. В диалектном дискурсе преобладающей оказывается оценка информантом содержания собственных высказываний с точки зрения реальности в силу того, что предметом речи оказываются реальные события из жизни информанта. Это объясняет и, с одной стороны, высокую степень уверенности в сообщаемом, с другой - эмоциональную оценку содержания высказывания:

Главнае дела сявоння. З дажжа ягады слабнут, мягкие делаюцца. Мы пара стари-коф. Я ф калхозе жыла. Схадить абжалывать сваю жызнъ. Мы хоть скольки переносим свайва горя. Куды ня едя, фсё заедя к нам. Коло января йим нада была ехать. На сумёт папали, апракинулись. Ф капроновых чулках ф снэк, а патом што: ура вапи. Валенцы ня лезут, так сваи аддал...

Полведёрка приняси, а больше не вздымай. Ани (вены) сами не тронуцца, если не работать. Кто винават, што я так жыла. Нашу жызнъ ряшыли, з-за правительства пастрада эстонскава... Нарот-та абрезали. Ня ели самы. Радисты - радива ставить. Нормы заплочены. Пиши на, што хош: сахар, малако, а в нас нет. Ты, гаварят, не жывёиш, а балта-еся. Фсё дажыдаим, лучиэ да лучиэ будя... Какой бох дал мне крест, так и нясу. (Печорский район, д. Заходы, материал собран в 1972 г. АПК-1, с. 14-24.)

Такая категория дискурса, как интерпретируемость, предполагает ясность и точность информации, передаваемой в процессе коммуникации. Дискурс, участниками которого являются собиратель и носитель диалекта, заставляет информанта, следуя коммуникативной цели, ставить категорию интерпретируемости во главу всего текста, по ходу текста либо самостоятельно, либо по просьбе собирателя давать пояснения, толковать значение использованных лексических или фразеологических средств выражения:

...Лянушка - спать зимой тёпла. Хвораст - ветки мелкие. Сто пнёф дярэвьев. Кардон-патрули там нахадились... (Печорский район, д. Заходы, материал собран в 1972 г. АПК-1, с. 14-24.)

Формально-структурные категории, характеризующие способ организации текста, в диалектном, как и в любом другом, дискурсе тесно связаны с содержательной связностью текста. Формально-структурные категории в данном случае могут выражаться либо с помощью определенных речевых формулировок, подчеркивающих связность и организацию текста, либо (что характерно для личностно-ориентированного дискурса) смысловая последовательность строится на тематической основе, когда информант, следуя цели коммуникации, определяет и выбор тем собственного речевого высказывания (прежде всего в зонах повышенного внимания оказываются стороны жизни диалектоносителя, актуальные для самого говорящего и кажущиеся информанту значимыми для слушателя, статус которого определяется как собирателя диалектных слов):

Вот там нат паветью, пристройка под анбаром, яблак наложена. Вы Псковской губернии? Ну, мужык взял жонку, её звали Енькай, так не знала, што такое сеньки, сени. Старый-та нарот и таперь так гавари, може, книжный-та нарот не так гавари, па-своему. (Печорский район, д. Заходы, материал собран в 1972 г. АПК-4, с. 19-25.)

Диалектный текст, как и текст вообще, дает возможность исследователю выявить и описать особенности организации говорящим содержания высказывания в соответствии с его представлениями о мире и самом себе, при этом "Национальная специфика картины мира производна от различных факторов: географических, исторических, а также психологических" [4, с. 7]. Выбор языковых средств в тексте и дискурсе определяется во многом этно-социо-культурным сознанием носителя диалекта.

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Текст, дискурс и проблема эффективности коммуникации // Текст - дискурс - картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1 / Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж, изд-во "Истоки", 2005. 238 с.
2. Калашникова С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументивном дискурсе: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тверь, 2007.
3. Крючкова О.Ю. Метаязыковая функция в диалектной речи // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР Александра Николаевича Гвоздева (1892-1959) 25-27 ноября 2002 года. Самара, 2002. С. 186-191.
4. Богатова С.М. Концепт ДОМ как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Омск, 2006.